

кой цѣлью, сдѣлаться философомъ или художникомъ; а во-вторыхъ, если въ дѣятельности философа или художника все-таки преслѣдуются цѣли, то однѣ только безсознательныя, съ такой же органической необходимостью вытекающія изъ этой дѣятельности, какъ цѣли безсознательной природы. Побуждаетъ ихъ къ работѣ непосредственный инстинктъ, вдохновеніе, а привлекаетъ то непосредственное удовольствіе, которое доставляетъ самый процессъ дѣятельности. Подобный образъ занятій, говоритъ Шопенгауеръ, въ сравненіи съ другими все равно, что танцы по отношенію къ простому хожденію: человѣкъ идетъ, чтобы прійти куда-нибудь, а танцуетъ ради самихъ танцевъ; тоже самое въ философіи и искусствѣ, — тутъ дѣятельность, будучи сама себѣ цѣлью не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ приманкахъ или наградахъ. Она удовлетворяетъ сама по себѣ и источникъ этого удовлетворенія, — говоритъ Шопенгауеръ, — заключается въ свободной игрѣ душевныхъ силъ, въ возможности безпрепятственного ихъ приложенія, то-есть вообще въ живой дѣятельности. Этимъ и объясняется, почему такого рода удовольствія не зависятъ отъ достиженія какой-нибудь цѣли и продолжаютъ непрерывно; почему въ нихъ нѣтъ ни тревожности, ни неувѣренности, ни лихорадочнаго стремленія впередъ; почему, наконецъ, оно сопровождается такимъ высоко блаженнымъ чувствомъ „спокойнаго“ самоудовлетворенія. Становится также понятнымъ, почему Шопенгауеръ не хочетъ признать никакихъ обязанностей философіи и художественнаго творчества по отношенію къ практическимъ задачамъ и интересамъ человѣка: сознательное преслѣдованіе какой бы то ни было цѣли выходитъ за предѣлы непосредственнаго наслажденія самой дѣятельностью; а это нарушаетъ уже весь характеръ удовольствія или, вѣрнѣе, совсѣмъ уничтожаетъ удовольствіе, ибо всякое удовольствіе какъ говорилъ еще Аристотель, состоитъ въ какой-нибудь дѣятельности. Этимъ же объясняется, почему Шопенгауеръ не допускалъ возможности счастья въ практической дѣйствительности; въ ней, утверждаетъ онъ, человѣка привлекаютъ цѣли, лежащія внѣ самой дѣятельности. Тутъ дѣятельность сама по себѣ не доставляетъ никакого удовлетворенія; она не освѣжаетъ, не сообщаетъ ни бодрости, ни свѣтлаго настроенія, и привлекаетъ только въ силу соображеній пользы, мечтами о богатствѣ, надеждами на славу и тому подобными внѣшними приманками. Такъ какъ при этомъ все основывается на успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ въ осуществленіи предположенныхъ цѣлей, то весь строй жизни получаетъ характеръ неувѣренности и тревожности. Постепенно черты эти пу-